ПСАЛМЫ В ПОЭЗИИ ДЖОРДЖА ГЕРБЕРТА

А.Г. Волкова

Христианская поэзия вследствие своей ориентации на Священное Писание прочитывается в библейском контексте. Особенно важными, значимыми для поэтов всегда были два библейских текста — Песнь Песней Соломона и Псалмы Давида как два образца ветхозаветной лирики. Актуализация ветхозаветных текстов, их этики и эстетики связана с духовным явлением Реформации (и Контрреформации) в Западной Европе: «Активное обращение к Псалтыри вновь начинается на Западе с XVI в. — эпохи Реформации, когда внимание к иудейским, раннехристианским памятникам обостряется в связи с пересмотром, «перерешением» вопросов догматических, религиозно-нравственных, церковно-практических»[1]. Мартин Лютер особо обращал внимание не только на нравственный, но и на поэтический аспект сборника песнопений, приписываемого царю Давиду: «Лютер, бесспорно, обладал незаурядным литературным талантом. Считая ветхозаветные псалмы высшим достижением поэзии, он не только переводил их на немецкий язык, но и создавал по их подобию духовные песни и гимны, получившие распространение в протестантских кругах... В отличие от гуманистов, высоко ценивших поэзию языческую, Лютер восхищался поэзией ветхозаветной. Именно псалмы для него — зерцало подлинного благочестия, олицетворение живой жизни Церкви»[2].

Псалмы породили особый жанр в европейской (в том числе и русской) литературе — жанр переложения псалмов. Кроме того, язык и образность древней иудейской поэзии повлияли на язык европейской религиозно-философской лирики, осмысливающей отношения человека с Богом: «Псалтырь в новоевропейской поэзии выступает в качестве универсального образцового текста для авторского творчества. Реформация и Контрреформация, создав относительно непринужденное отношение к священному тексту, одновременно создали предпосылки для эстетического его переживания и восприятия... Словесный строй Псалтыри, ее динамичная и экспрессивная система образов находит живой отклик во многих национальных литературах, соединивших европейскую поэзию с наследием Ветхого Завета»[3]. Псалмы функционировали в лирике не только как материал для поэтического переложения. Поэтика псалмов входила в поэтику европейской лирики, органично соединяясь с различными светскими и духовными жанрами.

Особенно интересно своей духовной синтетичностью творчество английского поэта Джорджа Герберта (1593–1633). Герберт известен прежде всего как автор одного произведения, религиозной поэмы «The Temple» («Храм»). Поэма трехчастна: она составлена из вводной поэмы «Церковное крыльцо» (The Church Porch), основной поэмы «Церковь» (The Church) и заключительного пространного стихотворения «Церковь Воинствующая» (The Church Militant). Центральная, наиболее объемная часть поэмы («Церковь») состоит из различных по форме и проблематике стихотворений. Их основная тема совпадает с темой псалмов: жизнь человека перед лицом Бога[4]. Герберт выступает в роли царя Давида, приносящего Богу не только хвалы и молитвы, но и размышления, жалобы, радости. Современники называли Герберта «наш Давид», сравнивая его тем самым с творцом псалмов: «Герберта и псалмопевца очень часто сравнивали (в 1697 г. Даниэль Бейкер назвал поэта «наш Давид, наш сладкоголосый псалмопевец... построивший храм»)»[5]. Книга псалмов также является словесным Храмом. На эту метафору

---

[1] *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 92.

[2] Там же. С. 95.

[3] Там же. С. 115.

[4] См.: *Аверинцев С.* Связь времен. Киев, 2005. С. 24.

[5] *Fish S.* The Living Temple: George Herbert and Catechizing. L.A.; London, 1978. P. 51.

обращал внимание С. Аверинцев: псалмы — это «словесный аналог Скинии или Храма»[6].

Герберт следует примеру большинства поэтов и перелагает в стихотворную форму Псалом 23 (в русской традиции — 22). Книга псалмов представляет собой библейский текст, наиболее часто используемый для переводческих интерпретаций и поэтических переложений. При этом один и тот же текст может восприниматься по-разному в различных культурах. Специфику этого восприятия возможно проследить на примере сравнительного анализа нескольких текстов — переводов и поэтических переложений одного 23 (22) псалма. Для наглядности можно привести таблицу, где сопоставлены все пять текстов (по двум первым строкам псалма). В тексте стихотворения Герберта курсивом выделено то, что им добавляется или переосмысливается в каноническом тексте.

Стихотворение Герберта «The 23d Psalme»	23-й псалом (Holy Bible. King James Version)[7]	22-й псалом. Перевод на современный русский язык	Стихотворение Голенищева-Кутузова[8]
1. The God ***of love*** my shepherd is, ***And he that doth me feed***: ***While he is mine, and I am his,*** ***What can I want or need?***	The Lord is my shepherd; I shall not want.	Господь — пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться:	Господь пасет мя, ни что же мя лишит;
2. He leads me to the ***tender*** grass, ***Where I both feed and rest;*** Then to the streams that gently passe: ***In both I have the best.***	He maketh me to lie down in green pastures: he leadeth me beside the still waters.	Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим,	Господь вселит меня в местах приятных, злачных; Он воспитал меня струями вод прозрачных;

Как видно, канонические тексты почти дословно повторяют друг друга. При этом они довольно точно отражают оригинальный текст еврейского псалма. Голенищев-Кутузов также точно следует библейскому тексту в своем переложении. Такая же точность следования оригинальному тексту обнаружится и в «Псалтири рифмованной» Симеона Полоцкого (1629–1680). Английский поэт переосмысливает библейские слова, но без потери основного их смысла. Отступления Герберта от канонического текста сходны по механизму их образования, например: *the God of love* (Бог любви или Бог-Любовь) вместо библейского *the Lord* (Господь), которым переводится тетраграмма (непроизносимое имя Бога, употребляющееся в оригинальном тексте этого псалма). Чаще всего такое переосмысление возможно за счет расширения значения: одно слово, заключающее в себе множественность значений и трактовок, у Герберта превращается в целую фразу, слова которой несут в себе часть смысла библейского слова или выражения. Если сравнить эту традицию переложения псалмов с русской традицией, то можно увидеть, что для русского поэта такое «разворачивание» смысла практически невозможно. Это связано со спецификой восприятия и понимания библейского текста в различных национальных духовных традициях: русской и западной (англиканской).

Кроме того, в поэме Герберта существует ряд стихотворений, ориентированных на поэтику Псалмов. Джон Уолл (Wall) говорит о том, что «Церковь» (вторая часть поэмы «Храм») «обязана диалогической форме Песни Песней Соломона, а также многочисленным и разнообразным стихам молитвы..., представленным в псалмах»[9]. Псалмы — это один из прообразов поэтического языка Герберта: «Герберт... использует Библию как источник живого языка, на котором можно говорить о встрече Бога и читателя»[10]. Стихотворения, выступающие

[6] *Аверинцев. С.* Указ. соч. 25.

[7] Текст цит. по: Holy Bible. King James Version. — Thomas Nelson Publishers.

[8] Цит. по: Русская духовная поэзия. М., 1996.

[9] *Wall J.N.* Introduction // *Herbert G.* Parson. The Temple. London: SPCK. P. 38.

[10] Ibid. P. 40.

полем псалмодической цитации, условно можно разделить на три группы[11*]:

1. Стихотворения, где используются цитаты из Псалмов

Чаще всего цитирование какого-либо фрагмента библейского текста Герберт выделяет в стихотворении определенным образом: графически (курсивом) или ритмически (повторением одной и той же строки). Так, в стихотворении «Церковная музыка» во второй строфе встречается фраза *God helps poor Kings*. Стихотворный контекст этих слов таков:

Now I in you without a bodie move,	И я движусь в тебе (обращение к церковной музыке),
Rising and falling with your wings:	бестелесный,
We both together sweetly live and love,	Взлетая и опускаясь вместе с твоими крыльями;
Yet say sometimes, *God helps poor Kings*	Мы вместе с тобой и живем, и любим,
	Иногда говоря: *Господь помогает отвергнутым королям*

Исследовательница творчества Герберта Роземонд Тьюв сравнивает указанную фразу с 8 строкой 149 псалма, «которая [в богослужебной практике Западной Церкви] стала слегка перефразированным антифоном... Эта строка исполнялась изолированно [от остального текста псалма] в течение Страстной Недели»[12]. Кроме того, 149 Псалом был одним из семи псалмов, переведенных Фрэнсисом Бэконом. Герберт ознакомился с этими переводами в 1625 году[13]. Строка псалма, упоминаемая Тьюв, звучит так: «[Для того, чтобы] заключать царей их в узы их, и вельмож их в оковы железные». Таким образом, текст псалмов в данном случае предстает опосредованным: цитируется не текст самого Священного Писания, а текст богослужебный. Библия (конкретнее — книга псалмов) опосредуется литургической практикой Церкви, воспринимается через призму богослужения.

2. Стихотворения, в которых использована образная система псалмов

Один из важнейших образов поэмы Герберта — образ сердца. Он употребляется в привычном значении «сердце, душа». При этом образ сердца очень часто автором связывается с образом-символом камня. В первом же стихотворении («The Altar» — Алтарь) читаем: A broken Altar... / Made of heart... A Heart alone / is such a stone... (Поруганный (дословно — сломанный) Алтарь... / сделан из сердца... Одинокое Сердце / Подобно камню...). Такая образность связана со Священным Писанием, где образ сердца встречается и в Ветхом, и в Новом Завете. В книге пророка Иезекииля образы сердца и камня употребляются в метафоре духовного перерождения человека: «И дам вам сердце новое и дух новый дам вам; и возьму на плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное» (Иез.26:36). Сердце и камень — это два образа, часто повторяющиеся и в псалмах, где образом покаяния и смирения становится образ «мягкого», «расплавленного» сердца: «сердце мое сделалось как воск, растаяло посреди внутренности моей» (Пс. 21, 15); «Искуси меня, Господи, и испытай меня; расплавь внутренности мои и сердце мое» (Пс. 25, 2). Образ камня в поэтике Псалмов неоднозначен. С одной стороны, этот образ обладает отрицательными коннотациями. С другой — камень под влиянием Божественной силы начинает источать воду: «Разверз камень, и потекли воды, потекли рекою по местам сухим» (Пс. 104, 41); «Пред лицем Господа трепещи, земля, пред лицем Бога Иаковлева, превращающего скалу в озеро воды и камень — в источник вод» (Пс. 113, 7–8). В некоторых комментариях на эти строки камень интерпретируется как символ кающегося, обращенного к Богу человеческого сердца. В стихотворении Герберта «Церковный пол» (The Church-floore) эмблемой человеческого сердца становится каменный пол, который может плакать (marble weeps — мрамор плачет).

Кроме того, в произведении Герберта существуют определенные образы-символы, взятые им из мира природы: gentle rose — it purgeth... and repentance is a purge (нежная роза чиста... и раскаянье — это очищение); tree — wish I were a tree... then I should grow / To fruit or shade (дерево — Я хотел бы быть деревом, я бы рос, / Чтобы плодоносить или давать тень). В стихотворении « Employment» («Служба») из этой же поэмы Герберт как бы задает вопрос: в чем же заключается служение Богу. На этот вопрос отвечает сама природа, в которой «all things are busie» (flower, bees, water — все заняты своим делом).

[11*] Здесь и далее нумерация псалмов при их цитировании приводится по русской традиции.

[12] *Tuve R.* A reading of George Herbert. Chicago, 1969. P. 180–182.

[13] Ibid. P. 182.

В природе «каждый служит тем даром, который получил». Именно через мир природы человек может постичь Вечность и Бесконечность.

В стихотворении «Ничтожность» (Miserie) образ из мира природы используется с отрицательной коннотацией: Man is but grasse... (Человек не что иное, как трава...). Подобное сравнение — одно из характерных поэтических средств, использованных в псалмах: «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут» (Пс. 36, 1–2); «[дни] как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает» (Пс. 89, 6); «Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветет» (Пс. 102, 15).

Другой образ, встречающийся в стихотворениях Герберта, — образ росы или живительной воды, ниспадающей с небес. Несмотря на то, что этот образ по частотности употребления уступает известным библейским образам-символам камня, вина, жертвы, однако он важен для Герберта как знак Христа. Литургические песнопения Западной Церкви широко используют метафору «небесного дождя» в гимнах Адвента (четырех недель перед Рождеством): «Кропите, небеса, свыше», «Он пустыню наших душ оросит живой водою»[14]. В английском Бревиарии в песнопениях первого воскресенья Адвента указан гимн, в котором Христос именуется росой: Drop down dew! O heavens, from above (Снизойди, роса! О, [снизойди] с небес)[15]. Один из поэтов немецкого барокко, современник Герберта Фридрих фон Шпее (1591–1635) в песнопениях Адвента напрямую называет Христа «росой»: «Приди, Спаситель наш..., росой небесной снизойди», «Росу небес, Господь, пролей; / Спаситель, — Сам излейся в ней»[16]. Герберт мог ориентироваться на известные ему литургические тексты (Исаак Уолтон писал об особом почитании Гербертом Божественной литургии), однако сам образ, который воспринимается поэтом из богослужебных источников, библейский. В некоторых текстах Ветхого Завета, содержащих обетования о пришествии Христа, Мессия сравнивается с дождем и небесной росой: «Польется, как дождь, учение мое, как роса, речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву» (Втор.32:2). Роса — один из природных образов поэтики псалмов: «Обильный дождь проливал Ты, Боже, на наследие Твое...» (Пс. 67, 10); «Он сойдет, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю» (Пс. 71, 6); «Блаженны живущие в доме Твоем; они непрестанно будут восхвалять Тебя... Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением» (Пс. 83, 5–7).

3. Стихотворения, где язык Псалмов используется на различных уровнях (на уровне цитаты, образа, мотива, сюжета)

В поэме Герберта есть несколько стихотворений, в котором природа выступает не только как эмблема, указывающая на какое-то нравственное понятие или содержащая в себе некое поучение. В стихотворении «Человек» (Man) природа выступает как самоценное Божественное создание. Человек предстает как маленькая Вселенная, ему служит все творение:

For Man is ev'ry thing,	Ведь человек есть все,
And more...	И даже больше...
For us the winds do blow,	Для нас дуют ветры,
The earth doth rest, heav'n move, and fountains flow...	Земля отдыхает, движутся небеса, и бьют источники...
The starres have us to bed;	Звезды провожают нас в кровать;
Night draws the curtain, which the sun withdraws...	Ночь задергивает шторы, которые солнце забирает назад...

Это стихотворение можно прочесть в контексте такого духовного движения, как францисканство, с которым Герберт был знаком[17]. Настроение и образность стихотворения «Человек» повторяет мотивы «Песни брата Солнца» святого Франциска Ассизского. Вторая строфа, прочитанная в контексте францисканства, становится парафразом строк гимна святого Франциска, в которых он благодарит Бога за «сестру воду»: «Восхваляем Ты, мой Госпо-

[14] Воспойте Господу: Литургические песнопения Католической Церкви в России. М., 2006. С. 142, 161.

[15] Цит. по: The Roman Breviary. N.Y., 1964. P. 200*. P. 1. Подстрочник мой. — *А.В.*

[16] Воспойте Господу... С. 162, 167.

[17] *Grant P.* Images and Ideas in Literature of the English Renaissance. London, 1979; *Grant P.* The Transformation of Sin. London, 1974.

ди, за сестру воду, которая полезна... и доступна и ценна и чиста»[18]:

Waters united are our navigation;	Воды собранные есть наша навигация,
Distinguished, our habitation;	Воды разделенные — наше жилье,
Below, our drink; above, our meat;	Воды внизу — наше питье, воды вверху — наша пища;
Both are our cleanlinesse...	И те, и другие воды — наша чистота...

Однако обращение к творениям и через них — к Творцу — не является нововведением святого Франциска и братьев-францисканцев. Ранее этот мотив встречается в Псалмах, поэтика которых повлияла на поэтику произведений различных эпох, возможно, и на произведения святого Франциска. Псалом 103 — это гимн творениям и Творцу: «Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер... Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человеку, чтобы произвесть из земли пищу... Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих... Буду петь Господу во всю жизнь мою...» (Пс. 103, 2–3, 13–14, 19, 24, 33). Мотив служения всей природы человеку появляется и в гимне святого Франциска, и в стихотворении Герберта. Сам человек, созерцая служение творений, вспоминает, что он — также Божье создание и цель его жизни — приближение к Источнику своего бытия:

...That, as the world serves us, we may serve thee,	...Чтобы, как мир служит нам, мы могли служить Тебе,
And both thy servants be.	И оба мы (люди и природа) могли быть Твоими слугами

Текст псалмов в поэзии Герберта выступает как один из культурных кодов, помогающих рецепции и интерпретации поэтического текста: «...всякий текст сплетен из необозримого числа *культурных кодов*, в существовании которых автор, как правило, не отдает себе ни малейшего отчета, которые впитаны его текстом совершенно бессознательно... Сотканный из множества равноправных кодов, словно из нитей, текст в свою очередь сам оказывается вплетен в бесконечную ткань культуры...»[19]. Таким образом, код здесь — это ассоциативные поля, сверхтекстовая организация значений, которые вызывают представление об определенной, уже сложившейся структуре. Понятие культурного кода является как бы более узким пониманием понятия «код». «В определении В.В. Красных *код культуры* понимается как сетка, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его»... В перспективе кросс-культурной психологии этот феномен может быть определен как «невидимый культурный фильтр», который «существует и всегда влияет на то, как мы воспринимаем и оцениваем вещи и явления, вне зависимости оттого, осознаем мы это или нет»[20]. Относительно анализируемой религиозной поэзии код является своеобразным фильтром. Этот фильтр «пропускает» в поэтику стихотворения только тот библейский текст (образ, сюжет, язык), который согласуется с культурно-религиозным контекстом, формирующим сознание автора.

Обращение Герберта (и других европейских поэтов) к текстам псалмов связано со спецификой псалтири, представляющей собой сборник древней иудейской поэзии. Псалмы играют особую роль в осмыслении не только диалога человека с Богом, но и природы поэтического вдохновения. Поэтическое вдохновение выступает как один из путей Богопознания. Псалтирь явилась порождающим текстом, на основе которого формировался так называемый псалтырный текст[21], использующий поэтику псалмов в качестве одного из элементов своей поэтической системы.

© Волкова А.Г., 2009

[18] *Святой Франциск Ассизский*. Соч. М., 1995. С. 229.

[19] *Косиков Г.К.* Ролан Барт — семиолог, литературовед // *Барт Р.* Избр. работы. М., 1994. С. 39.

[20] Цит. по: *Гаюрова Ю.А.* Духовный код русской культуры в творчестве Марины Цветаевой: пассионарность и добротолюбие // Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция: сб. докладов. М., 2006. С. 412 .

[21] *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии. С. 512.